

Никак не могу смириться, осознать — нет больше Серёжи. Ушёл Сергей Мигранович Мнацакянян, поэт, прозаик, мемуарист. Последний, наверное, представитель того славного поколения, что вошло в литературу в 60-е годы прошлого века. Мой друг со времён студенческой юности; с ним могли говорить и спорить о литературе, о поэзии, да о чём угодно — бесконечно. Теперь осталось лишь вспоминать.

Познакомил меня с Серёжей мой университетский однокурсник. С ним-то я давно не встречаюсь, а дружба с Серёжей протянулась через всю жизнь. С годами наше общение становилось все теснее; я с радостью писал о его новых книгах, с волнением ждал его оценок моих сочинений. В 2014 году в Центральном доме литераторов должна была состояться презентация моей книги «С оттенком высшего значения». Вести вечер я попросил Сергея, и он согласился, умно и деликатно дирижируя этим

скромным мероприятием. Об этом напоминает хранящаяся у меня афиша. Но это было позже. А тогда, в середине 60-х, как-то возвращались с Серёжей со студенческой пирушки. В пустом вагоне метро я читал ему стихи Лёни Губанова: «В другом бы веке не простил, // В другом бы веке загордился, // В другом бы веке в масть костил // И в угли головой стелился...». Серёжа внимательно слушал, попросил прочитать ещё раз. Не знаю, знаком он был уже с Губановым или нет. Но годы спустя Мнацакянян составил и издал том произведений безвременно ушедших поэтов, куда включил и основательный корпус стихотворений Леонида Губанова, очень тепло и искренне написал о нём в своих мемуарах.

...Мемуары, заметим, жанр особенный. Мой старший товарищ и наставник, покойный профессор Александр Шерель отмечал: «Перед каждым человеком, приступающим к написанию воспоминаний, неизбеж-

но встаёт «галилеева» проблема — что вокруг чего вертится? Причём решение этого вопроса зависит вовсе не от отсутствия или избытка личной скромности. Всё дело в точке зрения, в направлении памяти — ставит ли мемуарист своей задачей изложение собственной биографии, своё участие в общественных событиях, или наоборот — предметом мемуаров оказывается жизнь общества, а судьба самого мемуариста лишь слегка обозначена пунктиром, который нужен для свидетельства достоверности автора. Оба пути в равной степени достойны уважения».

Мемуары Сергея Мнацаканяна (вышло три солидных тома), как мне представляется, являют собой заслуживающий уважения пример отображения событий литературной жизни, свидетелем которых был автор. О собственной персоне Сергей пишет скупно и сдержанно. И ещё чем удивляют и восхищают его воспоминания: редкая (и драгоценная) доброжелательность мемуариста. Ни тени ревности, зависти и уж тем более неприязни к самым разным пер-

сонажам, а их на страницах воспоминаний теснится великое множество, и не все они отличались высокими моральными качествами. И это не оттого, что Сергей придерживался старого правила: об ушедших или хорошо, или ни слова. Просто таково было свойство его природы — терпимость, доброта. Умение восхищаться талантом коллеги. Он, например, страстно и аргументированно доказывал мне, что Андрей Вознесенский — гений. Я, переживший в молодости горячее увлечение поэзией «поэтарха», с годами остыл к его новациям, и спор с Серёжей длился и длился, каждый оставался при своём. Когда-то, в пору нашей юности, Серёжа притащил фотокопию рукописи солженицынского «Ракового корпуса». Ломая глаза, разбирая нечёткую печать, мы перепечатавали текст на чьей-то «Оптиме». Оба были захвачены этой невероятной в советские годы книгой. А в последнее время Серёжа убеждал меня, что писатель Солженицын плох, с чем я не мог согласиться. Разногласия, впрочем, никак не отражались на наших задушевных отношениях...

Я сразу, с первого прочтения, полюбил его стихи. Какая-то невероятно искренняя, порой щемящая интонация звучала в них. Никому он не подражал, не знаю, учился ли у кого из поэтов. Мне всегда казалось, что в поэзии Сергей — сам по себе: «Что, моя юность, простимся с тобой? // Сумерки улиц пропахли весной. // Холодно средь подмосковных берёз, // Тянется горький дымок папирос. // Только не думай, что дело — та-

бак, // В душу запали, навеки чаруя,
// Привкус морозца, прикус поцелуя
// Как земляника на милых губах...»
Строчки эти запали в душу навсегда,
не раз цитировал их, вспоминал...

Лет шесть назад, кажется, к 70-летию Сергея, я писал: «Поэт, как правило, пишет о себе, — будь то монолог, мольба, лирический дневник. Достаточно вспомнить «Онегина», где присутствует автор. Темы могут быть разными, но суть одна — исповедальные, обжигающие сердце строки. Приходится так или иначе откликаться на происходящее вокруг, — не обязательно публицистически громко, как Евушенко или Вознесенский, — но события подступают, столетия «окружают огнём», от злободневности никуда не деться. И у Мнацаканяна — во всяком случае, в двух последних стихотворных сборниках — все вперемешку: лирические откровения, а рядом — горькие размышления о жизни, что наступила в 90-е, о лихих и безрадостных изменениях, что происходят с нами и вокруг нас. Что тревожит, гнетёт душу Поэта, что водит его пером, какие проблемы заботят пишущего стихи? Да все одно — ВРЕМЯ, утекающая по каплям жизнь, горечь о прошедшей молодости, когда властвовали безденежье и невозможность печататься, узенький круг друзей и слушателей — и надежды, что всё образуется, разрешится, жизнь наладится... Иосиф Бродский сказал как-то: «Все мои стихи более-менее об одной и той же вещи — о Времени, о том, что Время делает с человеком». Вот об этой непостижимой субстан-

ции времени, неподвластной нашим намерениям, и ведёт речь поэт. Что там, в прошлом, с его белозубым оптимизмом, житейскими неурядицами и трепетными надеждами, когда ещё не маячат на горизонте болезни и одиночество, а жизнь неудержимо мчится к концу, и мы ещё и не задумываемся об этих печалях?

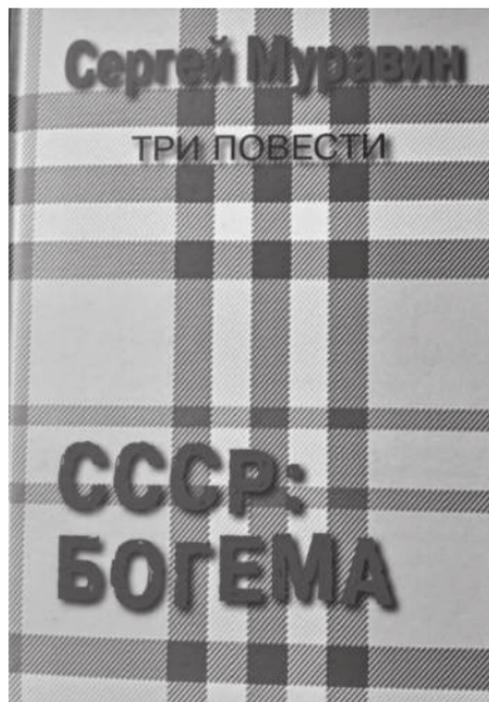
Творческая судьба Сергея Мнацаканяна сложилась удачно — на первый взгляд, по крайней мере. Ему было всего двадцать пять лет, когда вышла первая книга стихов. В возрасте тридцати он стал членом Союза писателей СССР, что по тем временам сулило значительные блага. Его сочинения одобрительно принимали такие мэтры советской

литературы, как Борис Слуцкий, Евгений Винокуров и другие; в числе знакомых и друзей была вся когорта тогдашней молодой поэзии (об этом Мнацаканян великолепно написал в своей мемуарной прозе «Ретроман, или Роман Ретро», к коему и отсылаю интересующихся). Но ни карьера литчиновника, которым он легко мог бы стать, ни лавры эстрадной популярности не прельщали Сергея, он был и остаётся одержим поэзией, хотя «года к постылой прозе клонят», и поэт, помимо мемуаров, пишет художественную прозу, литературные портреты — вроде книги о Великом Валюне (Валентине Катаеве), о Юрии Олеше... Не было в его послужном списке ни датских стихов, ни славословий вождям, руководителям партии и правительства, словом, ничего, за что нынче было бы стыдно и противно. Мнацаканян оставался верен себе, своему поэтическому кредо, выраженному уже в зрелые лета лапидарно и ёмко: «Поэт — всегда одиночка, поэтому обречён // На жизненное забвенье, на призрак посмертной славы, // Особенно если пророчествует, и вдруг за его плечом, // Дрожа, как мираж в пустыне, разваливаются державы!».

Но особенно дорога мне его любовная лирика. Увы, уже не та, юная и пылкая страсть, что полыхала в прежние годы. Зрелые, выстраданные суждения, исполненные печали и горьких раздумий: «Мне, кроме тебя, не нужен никто, // Но мы не встретились — тому лет сто... // Мы вновь разминулись лет двадцать назад, // И только судьбы впотьмах

сквозят...» Или так: «Мы с тобой простились на перроне — // И прощенья не за что просить. // Но твои горячие ладони // Я из рук не в силах отпустить. // Вздрогнул поезд — и теперь отныне // В прошлое не ходят поезда. // Вот и жизнь, как зимняя пустыня, // Медленно уходит в никуда...» Что-то упущено, пропало безвозвратно, и «жизнь прошла, и жизнь прошла, и ничего нет впереди, лишь пустота, лишь пустота, не уходи, не уходи...», как пелось в популярной в те далёкие годы песенке. И вот из этих-то невесёлых ощущений и рождаются строки, обращённые к любимой и навсегда потерянной...

«Я читал его книги, — писал Андрей Дементьев в предисловии к сборнику стихотворений Сергея

Мнацаканяна, — и по привычке сопоставлял стихи с их автором. Ибо поэзия — это всегда открытие самого себя в разных обстоятельствах. Даже когда пишешь о других или о чём-то отвлечённом... Для людей очень ранимых, слишком эмоциональных годы имеют над душой какую-то особую власть. Они осязаемы через дни и даже минуты».

Сергей Мнацаканян был кореным москвичом армянского происхождения, но генетическая память неизбежна: написаны циклы стихов, навеянных свиданием с исторической родиной, Арменией. Что, казалось бы, можно сказать об этом «оружии камней государства» после гениального мандельштамовского цикла? Нет, оказывается, можно, и Сергей нашёл необходимые слова, точные образы... Встреча с Арменией произвела на молодого поэта неизгладимое впечатление, и из-под его пера выходят такие строки: «Я под осень поселился в захолустном Шеноване: // виноградники — корявы, сумрак — исповедим, — // и армянские крестьяне меня в губы целовали, // но тайком не признавали горожанина своим... // Те шершавые ладони, стариковские седины... // Понимаю: в нашей жизни, горемычной, как всегда, // неудачи и удачи пронесутся вроде дыма: // драгоценны только встречи и людская доброта... (1969). Там, в «стране москательных пожаров», совсем по-иному

представились поэту и «Цвет граната» гениального Сергея Параджанова, и раскопки в Мецаморе, и ночь в Шеноване. К слову сказать, первый сборник стихов Сергея Мнацаканяна «Бескорыстье» вышел в ереванском издательстве «Айастан» в 1969 году...

...Наша переписка с Серёжей лаконична и деловита. Я отправил ему текст своего эссе «Письмо в бутылке» — о книге Надежды Яковлевны Мандельштам. Серёжа ответил: «Дорогой Юра! Всё получил. С удовольствием прочитал. Прекрасный текст. Спасибо. А картинка мне знакома — у меня такое же издание. Успехов, здоровья! Увидимся. С. М.».

Вышла новая книга его мемуаров. Серёжа ждёт моей рецензии: «Дорогой Юра! Посылаю pdf книги моих мемуаров и разворот переплёта. Пользуюсь случаем сказать тебе предновогодние пожелания радости, свободы и успеха. Дружески обнимаю, Сергей». Речь о книге «Прекрасные люди». Некоторые из моих рецензий на книги Сергея опубликованы в «Литературной газете», «НГ-Экслибрис». Мне пришлось сегодня повторить что-то из ранее написанного. Ни от одного слова не отрекаюсь. Так было. Так и останется. Как-то в шутку мы с Серёжей говорили о том, кто кому напишет некролог. Я уверял его, что он сочинит обо мне поминальный текст. Но жизнь непредсказуема; пишу о нём я. Вечная память! Прощай, Серёжа...